

В.Н. Порус

КАК ОБЪЯСНЯТЬ? ЗНАК РАЗВИЛКИ НА ПУТИ ПСИХОЛОГИИ

Многообразие типов объяснения в современной психологии иногда принимают за свидетельство ее методологической «незрелости». Из этого следует, что статус «зрелой» науки она могла бы приобрести, если бы удалось редуцировать эти типы к некоторому фундаментальному уровню. При этом учитывается негативный урок «логического эмпирицизма»: невозможность обоснования науки на базе «унифицированного» языка наблюдения. Поэтому предлагают иной путь «редукционизма»: абстрагируясь от исходных свойств психологических явлений, объяснять их на базе более фундаментальных научных теорий, постепенно сужая их круг. В статье предлагается иной подход: при трансформации объясняемых психологических явлений выстраивать не лестницу «уровней объяснения», по которой можно взобраться (или опуститься) к таким «фундаменталиям», какие уже выводят объяснение за рамки психологии, а *топологическую систему*, в которой «уровни» или «типы» объяснений выступают как взаимные «транскрипции», способы прочтения своих смыслов в иных языках. Такой подход перекликается с *методологической абдукцией* (в смысле Ч.С. Пирса) – выдвижением и отбором гипотез о смысловой связи различных типов объяснений в психологии с их последующей проверкой. Его цель – органическое единство различных объяснительных возможностей психологии. Экспериментальное опровержение некоторой объясняющей гипотезы затрагивает весь или почти весь комплекс различных научно-психологических объяснений, который не может оставаться индифферентным к такому опровержению. При этом новую остроту приобретают вопросы о характере опровержений, об эмпирическом базисе, о том, что означает в психологии «увеличение эмпирического содержания ее теорий» (И. Лакатос) или «конкуренция между различными экспланансами».

Ключевые слова: метод психологии, редуционизм, развитие науки, объяснение, топологическая система объяснений, научность, научное сообщество, парадигма.

А.В. Юревич прав, замечая, что вопрос о том, каким должно быть психологическое объяснение, эквивалентен ключевому методологическому выбору психологии [12, с. 97; 13, с. 74]*. Заметим, это верно не только по отношению к психологии: представитель любой другой науки, не исключая математики, мог бы сказать то же самое. Но проблема методологического выбора не всегда одинаково остра; бывает, что она полагается окончательно решенной (В. Гейзенберг считал, что это

характеризует «зрелую» или «замкнутую» научную теорию [3], а философы «Штарнбергской группы» даже говорили о «финализации», то есть о пределе внутреннего развития научной дисциплины, преступить который она способна, лишь получив некий импульс «извне», проблематизирующий ее основания и всю систему принятых в ней норм и стандартов исследования [14]); бывает и так, что именно методологический выбор становится пропуском в ту или иную систему понятий, характеризует собой направление в науке. Это, действительно, особенно заметно в психологии. Что такое, например, психоанализ, бихевиоризм или функционализм, если не

* Статья является откликом на работы А.В. Юревича «Объяснение в психологии» и «Проблема объяснения в психологии» [12; 13] (ред.).

определенные типы объяснения психологических феноменов? Отношения между этими направлениями во многом определяются методологическими спорами, в которых у каждого из них есть свои резоны¹.

Но вот сами психологи видят особенность своей науки в том, что она не определила соотношение «психологического объяснения» с объяснениями, удовлетворяющими другие науки, а значит и не сделала своего окончательного методологического выбора.

В этом есть что-то удивительное. Как? Психология — фундаментальная наука, одна из самых быстро развивающихся и продуктивных, а ее представителей, как и встарь, волнует неопределенность ее методологии? Не преувеличение ли это? Почему объяснения, какие психологи дают исследуемым ими явлениям, должны быть по форме и структуре сходными с объяснениями, привычными, скажем, для механики или физической химии?

Здесь слышится эхо противопоставления «наук о природе» и «наук о культуре» (если в число последних включить все социально-научное и гуманитарное знание). В классической форме (Г. Риккерт) оно стояло на различении генерализирующего (номологического) и индивидуализирующего (идиографического) методов: первый работает в естествознании, стремящемся объяснять явления природы действием всеобщих законов, второй — в науках о человеке в его культурно-историческом измерении, с их вниманием к уни-

кальному и зависимому от неповторимых умственных и душевных движений, а следовательно, к совершенно иному, нежели в науках о природе, типу объяснения. В XX веке обсуждение этого различия прошло ряд стадий. Поначалу усилия методологов, находящихся под гипнотическим влиянием успехов естествознания, были направлены на устранение «несовершенств» наук о человеке, чего бы это ни стоило: это и мечты позитивистов о «единой науке», стоящей на общем эмпирическом базисе и общих принципах метода, по отношению к которой нынешнее знание о человеке и обществе является чем-то вроде прото-науки; это и стремление Э. Кассирера и М. Вебера найти замену «законам природы» (как объективным основаниям научных объяснений) в культурных ценностях или «идеальных типах». Но впоследствии, с учетом опыта современной науки в целом, а не только ее отдельных частей, стали осознавать, что в мнимом «несовершенстве» гуманитарного и социально-научного знания кроются преимущества, позволяющие открыть новые перспективы и перед естествознанием, что «подгонкой» под шаблоны естественно-научного объяснения можно только «испортить» науки о человеке в его культурной истории, что «единство» науки — не в надстройке этажей над общим эмпирическим фундаментом, а в сложной топологии связей и отношений между различными эмпириями и теориями, что это скорее единство живого организма, чем механической структуры².

¹ Теоретические и методологические компоненты этих направлений составляют нерасчленимое единство, в котором В.А. Мазилов различает предтеорию (структурный инвариант, включающий идею метода, базовую категорию, схему организации исследования и модельные представления), собственно теорию, возникающую как результат исследования, собственно метод, имеющий многоуровневую структуру; отношения между предтеорией, теорией и методом могут быть представлены в рамках общей модели, охватывающей любые психологические концепции и направления [5].

² А это означает, что методологические размышления (и сомнения) психологии нельзя правильно оценить, если только сопоставлять их с некими парадигмами, принятыми в качестве таковых в ту или иную научную эпоху. «Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины — пусть самые специальные с виду, — необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук» [2, с. 15].

Если так, то следовало бы не просто примириться с сосуществованием различных типов научного объяснения (скрепя сердце признав этот факт *malum necessarium*), но приветствовать его как свидетельство жизнеспособности науки. Однако что-то мешает этому. Это «что-то», кажется, проникает на самую глубину самосознания психологии, где шевелится сомнение: могут ли принятые в ней способы объяснения считаться научными? «Настоящая» ли наука психология или она является лишь претендентом на это звание? Конечно, такой вопрос вообще имеет смысл только в том случае, если известно, что такое «настоящая наука». Но ведь границы «настоящей науки» — не заповеди на скрижалях, их устанавливают люди, работающие в науке и размышляющие о ней. Почему же люди, работающие в психологии и размышляющие о психологии, относятся к ее границам с недоверием?

По-видимому, и сегодня, как несколько десятилетий назад, они все еще находятся под гипнозом императива, резко сформулированного К. Гемпелем и П. Оппенгеймом: «Решающим требованием для любого правильного объяснения остается то, что его экспланандум должен подводиться под общие законы» [4, с. 105]. Признать «правильными» только «дедуктивно-номологические» объяснения — это и означает, с этой точки зрения, провести границу «настоящей» науки. То есть выполнить задачу, которую и неопозитивисты, и К. Поппер считали центральной проблемой эпистемологии, источником всех прочих ее проблем [6, с. 55]. И хотя гемпелевская «логика объяснения» позволяет подойти к этой задаче иначе, чем неопозитивистская методология эмпирического обоснования или попперовская «логика исследования», она встречается с трудностями, во многом родственными тем, из-за которых «проблема демаркации» не нашла удовлетворительного решения (ныне ею больше

интересуются историки философии науки или философы культуры — из тех, кому важно установить влияние социального контекста на ход дискуссий по этому вопросу [9]). Если в «настоящей» и «правильной» науке объяснить явление — значит вывести его из закона, то в ней же необходимо обосновать сам закон (например, вывести его как индуктивное обобщение), а это означает, что явление, в конечном счете, объясняется другими явлениями и от «номологичности» остается слишком мало, чтобы гипнотизировать ею кого бы то ни было. Конечно, можно считать объясненным все то, что выводится дедуктивно из основоположений какой-либо научной теории, но тогда сам смысл «научного объяснения» растворяется в логическом выводе.

Например, можно «спасать явления», то есть с помощью специально подбираемых «экспланансов» (постулатов, аксиом, гипотез) охватывать дедукцией как можно большее количество наблюдений, измерений и других результатов познавательной деятельности; «спасенные» же явления считать «объясненными». Это и есть методологический принцип инструментализма: научные теории суть средства (инструменты), при помощи которых область эмпирии становится (якобы) «понятной» тому, кто их использует; выбор же «инструментов» обусловлен только их работоспособностью, и ничем иным (вроде так называемых «онтологических предпосылок» или «метафизических» гипотез о реальности). Позиция инструментализма прозрачна и, может быть, именно поэтому многократно подвергалась критике. Не будем воспроизводить эту критику, но согласимся, что приравнивание объяснения и «спасения явлений» вызывает интуитивное отторжение: ведь при помощи чисто формальных трюков (если не вовсе бессмысленных предположений) можно превратить некое множество высказываний, описывающих явления в логически

связную систему. Но при чем здесь «научное объяснение»?

Вообще, если сравнивать «объяснительную силу» дедуктивных и индуктивных научных умозаключений, то придется, в итоге, признать, что она примерно равна: и те и другие обладают определенным экспланативным потенциалом, но его реализация зависит от различных обстоятельств, в том числе и от предрасположенности ученого считать ясным тот или иной факт либо способ рассуждения (например, она может быть следствием принадлежности ученого к определенному «научному сообществу» в смысле Т. Куна); достоинства и недостатки обоих видов объяснений не могут сравниваться по абсолютной шкале.

Наука имеет не одно (когнитивно-методологическое), а несколько принципиальных измерений (социальное, социально-психологическое, историко-научное и др.). В этих измерениях определяется «стиль научного мышления» (я думаю, это одна из ключевых эпистемологических категорий [7]), составной частью которого и является «стиль научного объяснения». Поэтому методологический выбор, о котором идет речь в работах А.В. Юревича [12; 13], скорее свидетельствует о приверженности тех, кто такой выбор совершает, определенному стилю научного мышления, и спор между различными стилями не имеет однозначных решений.

То, как формируются, укрепляются или ослабевают подобные приверженности, — это интереснейший вопрос философии науки. Вообще говоря, современная философия науки стоит перед альтернативой: стать полем междисциплинарных исследований науки (ее языка, методов, логической структуры, институтов и форм организации и т.п.), утратив при этом признаки своей принадлежности к философии, либо вспомнить о последней и рассматривать данные методологов, логиков, социологов и психологов, историков

и прочих науковедов как материал для собственно философского исследования особой формы свободного самоопределения субъекта в сфере научного познания [10]. От этого выбора зависит будущее философии науки. По моему убеждению, превращение ее в амальгаму различных науковедческих дисциплин означало бы ее деградацию как раздела философии и вело бы к дискредитации философии в целом. Напротив, переложить реверс в сторону собственно философских целей, используя при этом все, что могут дать специальные науки, так или иначе изучающие науку как особый объект, значило бы открыть перед философией науки новые перспективы.

Все это сказано, чтобы подчеркнуть: задача философии науки не в том, чтобы *указывать* ориентиры методологического выбора (например, в психологии), не в том, чтобы, как в старые добрые времена, вкапывать столбы и расставлять контрольно-пропускные посты на границах между «правильной» и «неправильной» науками (в частности, между наукой и «метафизикой»), а в том, чтобы *исследовать* процессы, в которых научная дисциплина обретает свой статус без оглядки на шаблоны и стандарты, заимствованные не столько из лидирующих в тот или иной исторический период наук, сколько из методологических рефлексий, точность и практическая применимость которых почти всегда оказывается проблематичной — перед лицом развивающейся научно-исследовательской практики. Это означает, что философия науки, как и пристало философии, рассматривает формы, в которых выражается свобода познающего субъекта и которые в то же время ограничивают эту свободу, тем самым создавая предпосылки для снятия этих ограничений и возникновения ее новых формальных выражений. В этом и состоит «парадокс» научной рациональности: она выражается в системе формальных критериев, но

всегда стремится к ревизии, даже слову этой системы, чтобы создать новую систему, которую рано или поздно ждет та же участь. Научная рациональность подобна свету — она не имеет «массы покоя» [8].

Что касается психологии, то, если я могу судить об этом, не будучи психологом, она действительно далека от «окончательного» методологического выбора. Как свидетельствует А.В. Юревич, «какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, используется большое разнообразие типов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами» [13, с. 75]. Эти типы могут быть учтены в классификации, например, в такой, которая предложена в работе Р. Брауна [15]. Верно и то, что классификация не является ни жесткой, ни исчерпывающей, что указанные в ней типы объяснений могут преобразовываться так, что становятся в чем-то похожими друг на друга, а могут использоваться и такие объяснения, какие получаются через «переплетение» различных типов (объяснения-миксты). Специалисты-психологи легко найдут тому примеры. Но и неспециалисту понятно, что смешение типов объяснения происходит не из-за методологической небрежности, а поскольку к этому подвигают: многообразие объясняемых ситуаций, специфика методов и объектов исследования, плюрализм экспланативных теорий и т.д. Это очевидно.

Другое дело, как относиться к этой очевидности. Множественность типов психологического объяснения (а также их «смешений») может оцениваться по-разному. Например, как показывает А.В. Юревич [12; 13], в этом многообразии обнаруживаются объяснения психологических феноменов на уровне «жизненной» или «бытовой» психологии; это

настораживает, ибо в «настоящей» науке такого быть не должно. В самом деле, хороша была бы теоретическая механика, в которой использовались бы «диспозиции», вроде «яблокам свойственно падать на землю». А между тем, поведение некоего Альберта³, который предпочитает искать высокооплачиваемую работу, а не довольствоваться средним уровнем заработка, психолог может объяснить так: психологическая структура личности Альберта такова, что в ней стремление к материальному успеху является доминирующим; вот почему этот субъект рыщет по рынку труда в поисках более выгодных условий, а не заполняет драгоценное время жизни, скажем, чтением Кьеркегора или поиском успеха у женщин. Но на такое объяснение, хотя и в других, «жизненных», терминах, способен любой человек, вовсе не будучи психологом⁴. В чем же преимущество научной психологии?

Наука, в отличие от обыденного опыта и житейской мудрости, стремится не к «окончательным» объяснениям, а к *раскрытию новых перспектив исследования*. Это в свое время подчеркивал Ч.С. Пирс. Научное исследование, считал он, проходит в ритме чередования двух основных процессов: выдвижения гипотез и их отбора по определенным критериям (абдукция) и опытной проверки, в ходе которой устраняются ошибочные гипотезы (ретродукция). Этот процесс устремлен к идеальному пределу — к утверждению, с которым согласилось бы рациональное

³ Пример, приведенный А.В. Юревичем (см. [13, с. 78–79]).

⁴ Не являются ли подобные объяснения вращением в «порочном круге»: поведение Альберта объясняется психологической структурой его личности, а сама структура, скорее всего, выявляется на основе изучения его поведения? Если это так, то перед нами рассуждение, сходное со знаменитым объяснением: опиум усыпляет потому, что обладает усыпляющей силой, в наличии которой можно легко убедиться, ведь стоит только дать пациенту опиум, как тот уснет.

научное сообщество, *если бы* ему удалось «завершить» бесконечное исследование. Этот предел и есть то, что Пирс называл «научной истиной» [18, р. 394]. Значит, «последнее» или «истинное» объяснение в науке — не что иное, как «регулятивная идея» — идеальный ориентир познания, но не его конечный пункт. Как может ученый знать, находится ли он на верном пути, не утратил ли он этот ориентир? Пирс отвечал: истинным в науке следует признавать то, относительно чего в настоящий момент нет всяких сомнений (чем измеряется «вес» сомнения — это отдельный вопрос, требующий уточнений и разъяснений). Таким образом, удовлетворительные объяснения (такие, относительно которых у большинства экспертов нет решительных возражений) — это вехи на пути науки. Пройдя значительный отрезок этого пути и оглядываясь назад, исследователи могут по-разному судить о том, как расставлены вехи: одни остаются надолго, другие вскоре снимаются и признаются ошибочными (в этом — принцип «фоллибилизма»: науке свойственно ошибаться, но она умеет учиться на своих ошибках и исправлять их). Главное же в том, чтобы путь нигде не упирался в тупик, чтобы каждая новая веха (то есть научное объяснение) помогала увидеть перспективу дальнейшего исследования.

Я напомнил эти положения Ч.С. Пирса, чтобы применить их к проблеме методологического плюрализма в психологии. Если рассматривать методы психологического исследования как основания или средства объяснений, то главным резонансом для признания этих методов и этих объяснений научными должно быть следующее: открывают ли они перспективу дальнейшего научного исследования? Если да, то какие могут быть сомнения в их научности?

Например, функционалисты (от Д. Дьюи до наших дней) полагают, что именно их метод является тем, что отделяет психоло-

гию как эмпирическую научную дисциплину от различных «субстанционалистских» или метафизических трактовок психики. С этим можно спорить (различая в концепции функционализма методологическую и философскую стороны [11]), но согласимся, что для методолога главное не в этом, во многом надуманном, противопоставлении, а в реальной проблеме: считать ли функциональное объяснение «самодостаточным» или же в нем видеть только результат исследования, не загораживающий, а, напротив, открывающий путь дальнейших объяснений. Призраки «метафизики» и «субстанционализма» (в их примитивной трактовке) могут появиться только в том случае, если кто-то скажет, что этот путь ведет к «последнему», «настоящему», «абсолютно истинному» объяснению. Но эти призраки не страшны, их легко отогнать даже с помощью простых пирсовских рекомендаций, не говоря уже о более тонких средствах, которыми располагает современная философия науки.

Есть старый предрассудок, по которому дедуктивно-номологические объяснения принимают за каузальные, наивно полагая, что если удастся вывести некоторое явление (точнее, суждение, описывающее это явление) как логическое следствие из суждения, имеющего форму логического закона, то тем самым уже найдена причинно-следственная связь. Что это действительно предрассудок, поймет каждый, кто попытается объяснить наличие у себя мягкой мочки уха своею принадлежностью к человечеству (если из всех млекопитающих только человек имеет этот «отличительный признак», что, кажется, еще не опровергнуто эмпирическими исследованиями). Конечно, объяснить явление, указав на его причину, — задача важная, но ее решение не сводится к формальным выводам, хотя и не обходится без них. Предрассудки, впрочем, очень живучи, и то, что философия науки в купе

с методологией могут навсегда избавить от них мыслящее человечество, — тоже предрассудок.

Я согласен с положением А.В. Юревича, что «подлинно научное объяснение предполагает поэтапную редукцию — последовательную трансформацию объясняемых явлений во все более широкие системы координат, сопровождающуюся абстрагированием от их исходных свойств» [13, с. 82–83]. Это относится ко всякой науке, не исключая физики или химии, а не только к психологии. Но я не называл бы это «редукционизмом». С этим термином связаны определенные философские ассоциации, и если не уточнять его смысл (а придется это делать всякий раз, как он будет появляться в методологических спорах психологов), они могут вести «не туда», то есть к неприемлемым следствиям из вполне разумных и даже очевидных положений.

Например, В.И. Аршинов отмечает, что редукционизм — это «методологическая установка, ориентированная на решение проблемы единства научного знания на основе выработки общего для всех научных дисциплин унифицированного языка». Такое определение, конечно, отсылает к неопозитивистским программам обоснования научного знания и отступает вместе с этими программами перед реальной практикой научного исследования. Но вместе с тем, автор энциклопедической статьи отмечает, что «процесс редукции как методологический прием преобразования данных, связанных с решением той или иной научной задачи с целью ее упрощения и представления средствами некоторого более точного языка, является неотъемлемой частью практики научного познания наряду с идеализацией, абстракцией, моделированием и т.д.» [1, с. 430]. Очевидно, что «редукционизм в психологии», в том смысле, в каком о нем говорит А.В. Юревич, не имеет отношения к утопическим замыслам неопозитивистов.

Но и без утопий проблема, связанная с «редукцией объяснений» в психологии, более сложна и интересна, чем применение упрощающих и уточняющих методологических приемов. Дело, действительно, в преобразовании объясняемых явлений, которое сопровождается абстрагированием от их исходных свойств. Но означает ли это, что психологические явления можно объяснять, сводя их к явлениям, подлежащим компетенции, скажем, нейрофизиологии? А те, в свою очередь, к явлениям еще более «фундаментального» (например, «субатомного») уровня? И так далее... *ad infinitum*?

Думаю, такой редукционизм методологически скучен, а философски..., по меньшей мере, спорен. Например, Д. Чэлмерс считает, что «сознание» — это многозначный термин, относящийся к различным психическим явлениям. Некоторые из них объяснить *легче*, чем другие: таковы, например, явления, которые можно объяснить в терминах компьютерных наук или нейрофизиологии (сюда относятся явления, связанные со способностями различать, обобщать, реагировать на внешние раздражители, понимать собственные ментальные состояния, концентрировать внимание, контролировать свое поведение, отличать бодрствование от сна и пр.). Другие объяснить *труднее*, поскольку такая «редукция» уже не проходит: это чувственные и душевные переживания (*experiences*), эмоции. «Распространено мнение, что переживания возникают на физической основе, но у нас нет хорошего объяснения, как и почему это происходит. Почему физические процессы вообще приводят к многообразию внутренней жизни? Этого, кажется, нельзя понять с объективной точки зрения, однако это так» [16, р. 201]. Возможно, «хорошие» объяснения все же могут быть получены, но к какой именно «настоящей» науке следует

обращаться за ними? Во всяком случае, когнитивные науки, сосредоточенные на исследовании функций сознания, оказываются здесь беспомощными: «Мы знаем, что сознательное переживание возникает, когда выполняются эти функции, но главная тайна заключается в самом этом возникновении. Есть некий провал объяснения [17] между функциями и переживанием, и требуется мост, чтобы его преодолеть. Простое описание функций остается по одну сторону этого провала, поэтому строительный материал для моста надо искать где-то в другом месте» [16, р. 204].

По мнению Д. Чэлмерса, если не удастся найти путь редукции, надо прибегнуть к «нередуктивным объяснениям». Для этого надо поступать, как, например, физики, полагающие некоторые понятия (масса, заряд, пространственно-временной интервал и др.) «фундаментальными», т.е. не подлежащими сведению к каким-то «более глубоким» сущностям. В науке о сознании, считает он, такими «фундаменталиями» должны быть признаны переживания. Такое расширение онтологии позволило бы построить научную теорию переживаний. Правда, это была бы «дуалистическая» онтология, включающая «нефизические фундаменталии», но что из того? Чем, в конце концов, натуралистический монизм лучше натуралистического же дуализма? Если у кого-то есть возражения, то они ведь имеют метафизический характер, а к метафизике можно предъявить столько претензий! Что же до методологической стороны дела, то вот вам и строительный материал для моста через «провал объяснения»: в дело пойдут те «экспланансы», какие теперь под рукой у теоретика, сделавшего этот методологический выбор.

Как строит этот мост сам Д. Чэлмерс, сейчас не важно. Отметим его методологический рецепт: если экспланативная редукция выглядит бесперспективной,

ее можно прервать, прибегая к соответствующим онтологическим «изобретениям», разумеется, не преминув сослаться на критерии простоты, изящества, даже красоты полученных объяснений. И пусть кто-то заявит, что построенная таким образом наука о сознании какая-то не такая, не «настоящая!» А чем вы аргументируете такое заявление?

Но это все же самый бесхитростный способ сойти с трассы редукционистского слалома. Есть более сложный (зато и более заманчивый) путь: при «последовательной трансформации» объясняемых психологических явлений «во все более широкую систему координат» выстраивать не лестницу «уровней объяснения» (А.В. Юревич), по которой можно взобраться (или опуститься) к таким «фундаменталиям», какие уже выводят объяснение за рамки психологии, а *топологическую систему*, в которой «уровни» или «типы» объяснений связаны между собой иначе: они выступают как взаимные «транскрипции», способы прочтения своих смыслов в иных языках. Вот проблема, которая выглядит увлекательной: могут ли объяснения психологов-аналитиков быть транскрибированы, например, в объяснения психологов-функционалистов? Или это невозможно, но зато есть надежда найти «каналы связи» между этими объяснениями?

Если бы удалось выстроить такую топологию объяснений, то можно было бы говорить не о методологической редукции, а скорее о *методологической абдукции* (по аналогии с соответствующим понятием Ч.С. Пирса), то есть выдвижении гипотез о смысловой связи различных типов объяснений в психологии с их последующей проверкой. Так изменилась бы экспланативная стратегия этой науки. Она стремилась бы не к переходам на «более простые» или «фундаментальные» уровни (что, в конечном счете, связано с редукцией самой психологии к ка-

ким-то иным наукам), а к органическому единству (возможно, «ризомного» вида) ее собственных объяснительных возможностей.

Эта стратегия, на мой взгляд, привлекательна. Она привела бы к более тонкому пониманию соотношения теоретического и эмпирического в психологии; например, экспериментальное опровержение какой-то объясняющей гипотезы затрагивало бы не только эту гипотезу (шире: не только систему теоретических взглядов, в рамках которой эта гипотеза выдвинута), но весь или почти весь комплекс различных научно-психологических объяснений, который не мог бы оставаться индифферентным к такому опровержению. Разумеется, с новой остротой встали бы вопросы о характере опровержений, об эмпирическом базисе, о том, что означает в психологии «увеличение эмпирического содержания ее теорий» (И. Лакатос) или «конкуренция между различными экспланансами».

Следствием этой стратегии было бы изменение идеологического контекста и даже социологических отношений внутри психологического сообщества. Сейчас, как отмечает А.В. Юревич, эти отношения во многом определяются «ярмаркой систем психологического знания», на которой большинство психологов выступают как постоянные клиенты, выбирая «товар одной и той же фирмы». На этой ярмарке еще возможна «горизонтальная мобильность» — смена одной базовой объяснительной парадигмы на другую, но почти невозможна «вертикальная мобильность» — переход от одного уровня объяснения к другому [12; 13]. Это напоминает «экстраординарную науку», по Т. Куну, но есть явное отличие: в конкуренции парадигм не ожидается победы какой-либо из них, хотя бы просто потому, что нынешнее положение, вероятно, устраивает всех. Это и понятно: «элиты» многочисленных

направлений, школ и течений вовсе не собираются ради каких-то общих «идеалов» научного объяснения расставаться со своими привилегиями, особенно, если учесть, что эти привилегии часто имеют вполне ощутимые материальные субстраты. Разумеется, никакое «методологическое принуждение» (если вспомнить этот термин П. Фейерабенда) эту ярмарку не изменит, и «форсированный монизм» объяснений можно было бы устроить только полицейскими мерами, да и то ненадолго, чему следует только радоваться. Но вот существует ли *потребность в едином объяснительном принципе* для всех участников ярмарки? В этом я не уверен. Была бы такая осознанная потребность, нашлись бы и способы ее удовлетворения.

Зато непрерывное продолжение поисков различных объяснений, нахождение «транскрибирующих» процедур, связывающих эти объяснения в топологическую систему, — это, кажется, можно представить как общую потребность современной психологии. И главное — эту потребность можно удовлетворить, не прибегая к принудительным мерам в каком бы то ни было смысле. Мечта психологии станет иной, но почему же не увидеть в этом изменении признак ее жизненной силы?

Литература

1. Аршинов В.И. Редукционизм // Новая философская энциклопедия. Т. III. М., 2001.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
3. Гейзенберг В. Понятие замкнутой теории в современной естественной науке // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
4. Гемпель К., Оппенгейм П. Логика объяснения // Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.
5. Мазилев В.А. Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль, 2005.

6. *Поппер К.* Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983.

7. *Порус В.Н.* Стиль научного мышления // Теория познания. Т. 3. Познание как исторический процесс. М., 1993. С. 225–262.

8. *Порус В.Н.* «Парадоксальная рациональность» (очерки теории научной рациональности). М., 1999.

9. *Порус В.Н.* «Проблема демаркации» в культурном контексте эпохи // Порус В.Н. Рациональность, наука, культура. М., 2002. С. 277–294.

10. *Порус В.Н.* К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология и философия науки. М., 2005. Т. 4. № 2. С. 54–76.

11. *Порус В.Н.* Функционализм: методологическая программа или философская парадигма? // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8. № 2. С. 5–15.

12. *Юревич А.В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 97–106.

13. *Юревич А.В.* Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Вып. 1. С. 74–87.

14. *Boehme G., Daele W van den., Hohlfeld R., Krohn W., Schaefer W.* Finalization in Science: The Social Orientation of Scientific Progress / Ed. By W. Schaefer. Dordrecht, 1983.

15. *Brown R.* Explanation in social science. Chicago, 1963.

16. *Chalmers D.* Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies, 2 (3). 1995. P. 200–219.

17. *Levine J.* Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. V. 64. P. 354–361.

18. *Peirce Ch. S.* The Collected Papers. Vol. 5. Cambr. (Mass.), 1965.